

Встреча с героями

Дзиро АКАГАВА

I

В кофе явно что-то подмешали...

– Приготовлю-ка я чего-нибудь попить! Ёсико, тебе кофе? Какао? Или чаю? А может, ещё чего-нибудь?

Это моя тётка, Кадзуэ Судзуки. Я, не раздумывая, ответила, что предпочитаю кофе.

В гостинной было пять человек, считая со мной.

По возрасту я здесь моложе всех. Мне только что исполнилось двадцать. Именно только что: сегодня день моего рождения.

Двадцать лет. Для меня это не просто день совершеннолетия. Сегодня я становлюсь хозяйкой состояния в четыреста миллионов иен. Конец нищенскому месячному содержанию!

Отец умер три года назад. Всё это время я ждала сегодняшнего дня!

– Сколько там ты должна подучить?

А это мой двоюродный брат, Хитоси Судзуки.

Ему уже двадцать семь, а он и не думает работать, сидит дома и бьёт баклуши. Делает вид, что дамский угодник и повеса, а самого я видела с женщинами раз в десять реже, чем он похваляется.

По мне, не будь он мне братом, вовсе бы с таким не разговаривала.

– Около четырёхсот миллионов,– отозвалась тётушка Кадзуэ.

– Ну и ну!– преувеличенно удивился Хитоси.

Разумеется, он не хуже матери знал, сколько денег мне должно достаться. На такие насквозь фальшивые расспросы и отвечать не хочется.

– Не так просто будет спустить на развлечения!– вставил мой дядя, Сиро Судзуки, потягивая виски. Он врач, но любит хвалиться, особенно когда выпьет, что разбирается в денежных делах. Впрочем, доходы у него и впрямь неплохие.

Правда, имея жену, не знающую деньгам счёта, и сына-бездельника, не очень-то разгуляешься.

– Что собираешься делать с денежками? Поедешь вокруг света? Купишь машину, яхту, усадьбу?.. Надумаешь, не забудь со мной посоветоваться!– со смехом бросил Хитоси. Я пожала плечами:

– Я таким не интересуюсь.

– Ну и правильно,– одобрил дядюшка Сиро.– Четыреста миллионов – деньги немалые, но оглянуться не успеешь, как они разойдутся. Надо их вложить в дело. Капитал должен расти!

– Вот именно!– подтвердила тётушка Кадзуэ.– Муж разбирается в таких делах не хуже, чем в своей медицине. Ты, Ёсико, можешь на него положиться!

– Ничем таким я заниматься не собираюсь!– не выдержала я.– Я уже давно решила, что делать с деньгами.

Дядя с тёткой переглянулись. Тётка пошла к бару готовить кофе,

– Послушай, Ёсико, – приблизился ко мне дядюшка.

Младший брат моего отца нисколько не был на него похож. Более того, был его полной противоположностью. Я с детства не питала к дяде никаких родственных чувств.

– Неужели ты действительно собираешься вложить все четыреста миллионов в какой-нибудь благотворительный фонд?

– Почему бы и нет?! – поинтересовалась я. – К тому же, так хотел папа.

– Чудак был твой папа, – покачал головой дядя Сиро. – Не имел понятия о радостях жизни. Стоит ли ему подражать?

– Я тоже хочу быть такой!

Хитоси встал и подошёл к нам.

– Ну что за ерунда, право! Я ещё понимаю, отдать сколько-нибудь в фонд, чтобы уменьшить налог... А всё – это глупо. Ещё неизвестно, как твои деньги там используют!

– Вот-вот! – согласился дядюшка. – Отдать деньги на благотворительность – ещё не значит, что их потратят с толком. Большинство этих фондов распоряжаются так бесполезно!

– Я тоже об этом подумала, – ответила я.

– И что же?..

– Я сама организую фонд, которым будут распоряжаться как следует. Назначу управляющего. Пусть следит, чтобы деньги тратились с пользой.

– И всё равно это глупо, – начал было Хитоси, но дядя Сиро перебил:

– Нет, постой, это как раз хорошо придумано. Да и вообще, если Ёсико хочет во что бы то ни стало так распорядиться своими деньгами, разве мы вправе ей мешать!

– Рада, что вы меня понимаете, – отозвалась я.

– Вот только ты не разбираешься в таких делах... Слушай, у меня идея! Хитоси как раз сейчас ничем не занят. Можно было бы назначить его управляющим!

– И впрямь хорошая мысль! – поддакнула тётка, не отходя от бара. – Как-никак, Хитоси окончил университет. Уж такая-то работа ему до плечу!

– У меня полно приятелей-адвокатов, специалистов по этой части. Я тебя с ними познакомлю, – хвастливо предложил дядя. Настроение у него явно улучшилось. Ещё бы, денежками запахло! Однако хороша бы я была! Он и его знакомые проглотят всё вмиг, как лев в клетке – кусок мяса.

– Спасибо за заботу, – ответила я. – Но мне не хотелось бы вас утруждать. Вот почему я и пригласила сегодня адвоката.

Я уже говорила, что в гостиной со мной было пять человек. Кроме дядюшкиного семейства, – ещё один гость: на диване подрёмывал седой старичок.

Это был адвокат Такаги, старый поверенный отца.

– Этого старикашку? – возмутился Хитоси. – Да он давно выжил из ума! Его любой вокруг пальца обведёт, вот что я тебе скажу!

– А я ему доверяю. Во всяком случае, больше чем тебе, Хитоси! – отрезала я.

Хитоси бросил на меня злобный взгляд, но тут же скроил весёлую мину:

– Ну, ты, сестрёнка, рубишь сплеча!

– Видишь ли, Ёсико, – подошла тётушка с чашкой кофе. – Мы ведь о тебе заботимся. Жаль, что ты нам так мало доверяешь.

– Спасибо... Вот только мне кажется, что вы заботитесь не обо мне, а о четырёхстах миллионах. А будь я без гроша, вы бы пальцем не шевельнули, хотя бы я и умирала где-нибудь под забором!

Я отхлебнула кофе.

Дядя и тётка посмотрели друг на дружку. Дядя пожал плечами:

– Тебя не переспоришь. Ну, ладно, нам, пожалуй, пора.

– Спасибо, что зашли, – отозвалась я. – Я обсужу все детали с господином Такаги и дам вам знать.

Трое моих родственников стали собираться. Я вышла в прихожую вместе с ними.

– Не пожалеть бы тебе потом... – Тётушка Кадзуэ, уже в дверях, пристально посмотрела на меня.

Но мне не привыкать было слышать такое.

– Не беспокойтесь!

Я закрыла за ними входную дверь.

– Ну и дела, – пробормотала я себе под нос.

Итак, отныне этот просторный особняк тоже мой. Впрочем, мне одной, наверное, хватило бы и обычной квартиры.

Продать его, что ли?

Нет, лучше здесь сделать контору управляющего моим фондом. Пожалуй, так.

Всё же это дом, где я выросла. Не хотелось бы отдавать его в чужие руки!

Уже три года, как не стало отца. А мама умерла, когда я была совсем маленькой. Мы столько прожили здесь вдвоём с отцом!

Отец был предпринимателем и сколотил неплохое состояние. Но никогда не сквалыжничал, без колебаний вкладывал деньги в общественные работы и благотворительность.

И я не нарушу его последнюю волю!

Ну что ж, пора разбудить Такаги и заняться делом. Ох, как уже поздно!

Входя в гостиную, я вдруг споткнулась. Нет, меня внезапно охватило странное чувство – будто пол поплыл под ногами.

Землетрясение? Да нет! Странно. Очень странно!

Вся комната искривилась. Дальняя стена поехала на меня, потолок навис над самой головой.

Раздавит! От страха я покрылась гусиной кожей.

Помогите! Помогите, кто-нибудь!

Я не удержалась на ногах. Меня жгло изнутри. Всё кругом покраснело, как когда смотришь через светофильтр.

Жарко! Почему так жарко?!

Пол покосился. Я сползаю! Куда? Бездонная пропасть хищно распахнула пасть... Падаю!

Не надо! Спасите, кто-нибудь!

Я вцепилась в ковёр. Ковёр выскользывает из рук... Не хочу! Не хочу!

Кто-нибудь! Сюда, хоть кто-нибудь!

Меня затягивает с невероятной силой. Я проваливаюсь в бесконечную тьму...

– Ничего другого не остаётся.

– Так никто ничего не узнает.

– Как же замять это дело?..

– Может, подумают, что здесь были грабители...

О чём они? Как ни странно, я слышала каждое слово, хотя в голове ещё шумело.

Качает, как в машине.

Ну да! Я действительно еду в машине.

Куда меня везут?

Голоса знакомые... Дядя с тёткой! Я пробую спросить:

– Куда это мы едем?

Но губы не двигаются. Голова, кажется, работает, но тело не слушается. Пытаюсь сдвинуться с места, но не удаётся даже пальцем шевельнуть...

Машина, кажется, выехала за город. Наверное, ночь: тьма кромешная, за окном – ни огонька.

Да куда же это мы? Я схожу с ума от неизвестности, но всё равно ничего не могу сделать: нет сил шевельнуться.

Наконец, машина остановилась.

Послышались шаги, дверца открылась.

– Да у неё глаза открыты!– заглянул какой-то незнакомый тип.

– Ничего, она всё равно без сознания! Ну, взяли!

То есть как без сознания! Я злюсь, но не могу выдать ни слова.

Меня кладут на что-то вроде кровати и везут под скрип колёс.

Больница, что ли? Что-то здесь не так...

Меня ввозят в кабинет весьма современного вида. Из-за роскошного письменного стола поднимается человек и выходит навстречу мне... то есть нет, моему дяде!

– Кумэ, заведующий клиникой. Садитесь, пожалуйста... Это насчёт неё вы...– он посмотрел наверх вниз.

– Да,– ответил дядя.– Она всегда была трудным ребёнком.

– И среди родни были шизофреники,– вставила тётка.

Что за бред? К чему это они?

– Ну, во всяком случае, у неё внезапно помутился разум,– покачал головой дядя.– Она схватила нож и убила нашего старого знакомого, адвоката.

Я похолодела. Убила? Адвоката Такаги?

– Представляю себе!– покачал головой толстячок-заведующий, похожий, скорее, не на врача, а на коммивояжёра.– Такая красotka, и вдруг...

– Не хотелось, чтобы она попала в тюрьму,– сказал дядя.– Тут-то мы и вспомнили, что слышали от друзей о вашем заведении. Поместите её у себя, очень вас просим!

– Но ведь, как-никак, убит человек!

– Полиция подозревает, что в дом проникли грабители. Ну, а если всё же до вас доберутся, вы уж не выдавайте!

– Хорошо,– кивнул Кумэ.– Может, отметить дату приёма прошлой неделей?

– Отлично! Разумеется, эта неделя будет оплачена.

– Договорились. Наша клиника не из дешёвых, зато мы берём на себя все хлопоты.

– Позаботьтесь о девочке!

Так это не шутка! Мне хотелось кричать. Да разве я могла убить Такаги! Это ошибка! Но голоса по-прежнему не было.

– А теперь скажите, только без околичностей!– снова раздался голос заведующего, Кумэ.– Как надолго вы хотели бы передать барышню на наше попечение?

Дядя с тёткой быстро переглянулись. И дядя ответил:

– На всю жизнь!

2

Двое в коротких белых халатах чуть не тащили меня под руки по коридору.

– Куда её?– поинтересовался один.– В девятую палату.

– В девятую? Таковую молоденькую? Какая жалость!– он хихикнул.

– Не болтай лишнего!

Снаружи я увидела в лунном свете деревья – скорее, не сад, а рощу. Меж листья виднелись мерцающие жёлтые огоньки. Похоже на больничный двор.

– Ну, ещё немножко!– сказал один.

Я чувствовала, что к рукам и ногам возвращается свобода движений, но нарочно повисала на руках у санитаров так, что им приходилось почти нести меня. Улучу момент и сбегу!

Теперь я всё поняла. Так вот что задумали дядя с тёткой!

Мне подмешали что-то в кофе, так что я потеряла сознание. Убили Такаги. Свалили преступление на меня и упрятали сюда.

И всё ради четырёхсот миллионов иен! Если я исчезну, деньги попадут в руки к дяде.

Да разве можно стерпеть такое!

Вот только удастся ли убежать от этих здоровяков?

– Пришли! Опускай!

– Вот сюда, на лавку!

Я очутилась на скамейке у каменного крыльца с тремя ступенями вверх. Чёрное каменное здание напоминало заброшенную часовню.

Один из моих провожатых стукнул в двустворчатую деревянную дверь. Я, исподтишка поводя головой, разглядывала здание.

Чёрный силуэт, возвышавшийся в ночной темноте, казался зловещим и мрачным. На дверях виднелась цифра "9".

Так это палата девять? Мне стало не по себе, когда я вспомнила, что сказал санитар: «Такую молоденькую! Какая жалость»...

– Да что они там делают!– санитар сердито заколотил в двери.

– Погоди-ка,– подошёл к нему второй и заорал:

– Эй, есть там кто живой?! А ну, выходи!

Пора! Я срываюсь со скамейки и бросаюсь к деревьям.

– Куда! Держи её!

Заметили! Я нырнула в рощу.

Что-что, а бегать я умею. Будь я в порядке, нипочём бы им меня не догнать! Но, видно, снотворное ещё не выветрилось: не успела я сделать и нескольких шагов, как ноги у меня заплелись, и я грохнулась.

И только собралась вскочить, как прямо мне в лицо ударил луч фонаря.

– Ах, вот ты как!– пропыхтел один и ткнул меня кулаком в живот. У меня потемнело в глазах и перехватило дух. Показалось, что я умираю.

И всё исчезло...

– Как вы себя чувствуете?

Я открыла глаза и увидела незнакомое мужское лицо. Кажется, я лежу на кровати. Я скривилась, потому что живот ещё болел.

– Они вас били, правда? Негодяи! Сделать вам холодный компресс?

– Ничего, обойдётся,– выдавила я.– Где я?

– В девятой палате,– ответил мужчина.

Я огляделась. Обычная, довольно большая комната.

– Это... больница?

– Разумеется. Сюда, в девятую палату, помещают тех, кому никогда не выйти.

– Но эта комната совсем не похожа на больничную палату!

– Всё здание – больничная палата. Окна замурованы, никакой связи с внешним миром. В коридоре, перед выходной дверью – надзиратели. Они и еду разносят. Попробуй, тронь, когда их трое, и каждый с пистолетом.

– Ужасно... Да это же тюрьма!

– Зато внутри – полная свобода,– возразил незнакомец. – И кормят прилично. Всё же те, кто нас сюда определил, платят за содержание довольно дорого. Если с нами посмеют обращаться плохо, поднимется скандал, и Кумэ, здешнему заведующему, несдобровать! В общем, если не думать о побеге, здесь вполне сносно.

– Но мне... во что бы то ни стало надо выбраться. Что за глупости вы говорите! Как это – остаться здесь на всю жизнь!

Мой собеседник только пожал плечами. Я присмотрелась. Выглядит вполне уравновешенным. На вид – лет сорок пять. Одет в добротный твидовый костюм.

– Простите меня, – извинилась я. – Что это я на вас набросилась!

– Ничего-ничего. Я понимаю, в каком вы состоянии, – кивнул незнакомец, – Но нужно перетерпеть. Подняться можете? Я провожу вас в вашу комнату.

– Спасибо!

Я с трудом поднялась. Живот, похоже, переставал болеть.

– Комнаты для женщин на втором этаже, в конце коридора.

– Так значит... здесь ещё есть женщины?

– Разумеется. Правда, кое с кем трудновато общаться.

– Что значит «трудновато общаться»?

– Есть довольно мрачные особы. А вот с Найтингел вы, пожалуй, найдёте общий язык.

– Флоренс Найтингел? Сестра милосердия?

– А, так вы слышали о ней?

– Да-да, конечно! Она была на Крымской войне...

– Вот именно! А сейчас она здесь.

– Вот как...

Я всмотрелась в лицо собеседника. Но не заметила и тени шуток.

– А кто ещё из женщин?

– Ну, например... Мария Каллас, примадонна оперы. И Элен Келлер, и королева Виктория. Правда, её величество несколько высокомерна, с ней довольно трудно сблизиться.

– А-а...

Мне показалось было, что моё пребывание здесь будет немного скрашено, но услышав такое, я совсем пала духом.

– Послушайте, – поинтересовалась я. – А вас-то самого как зовут, позвольте спросить?

– Меня? – продолжая подниматься по ступенькам, мой собеседник слегка поклонился. – Меня зовут Шерлок Холмс.

Комната была действительно не так уж плоха, чуть поменьше одноместного гостиничного номера. Вот только окно замуровано – темно и холодно, как в настоящей тюрьме.

Мой новый знакомый, назвавшийся Шерлоком Холмсом, вышел. Я присела на кровать в полнейшей растерянности.

Видимо, этот Холмс неплохой человек, но, тем не менее, сумасшедший. Ждать помощи не от кого.

Неужели придётся провести здесь годы, состариться здесь?

– Отец, – прошептала я, и слёзы хлынули сами собой и потекли по щекам...

И вдруг перед моими глазами появился платок. Я перепугалась, вскинула голову. Передо мной стоял молодой усач.

Молодой... Ну да, пожалуй, не больше тридцати. Франтоватый, усики тщательно ухожены. Что за красавчик!

– Что с вами, сударыня?

– Но...

– Мы не знакомы. Но честь не позволяет мне безучастно смотреть, как плачет юная дама! Доверьтесь мне!

– Но... кто вы?– робко спросила я.

– Боец за справедливость! Защитник слабых!– пылко воскликнул он, прижав руку к сердцу.

– Таинственный Зорро?– выпалила я первое, что пришло в голову. Но гость возразил с видом уязвлённой гордости:

– Я – д'Артаньян!

Я едва не расхохоталась, хоть ещё не вытерла слёзы:

– Вот оно что!

Д'Артаньян, заложив руки за спину, мерил комнату большими шагами:

– Какие злодеи! Я имею в виду ваших дядю и тётку, которые упрятали вас сюда, чтобы завладеть наследством вашего батюшки!

– Да!

– И не остановились даже перед убийством!

– Да!

– Негодяи! Их преступление не должно остаться безнаказанным!– вскричал д'Артаньян, грозя кулаком.

Прямо как в пьесе о героях французской революции!

– Спасибо! Ваши слова утешили меня,– сказала я.

– Слова?? Вы полагаете, я ограничусь одними словами?– д'Артаньян подскочил к самому моему носу. Я невольно отодвинулась к стене.

– Неужели вы считаете меня болтуном?! Что за вздор! Д'Артаньян – человек действия! Я расправлюсь с ними вот этими руками!

«Чтобы выбраться отсюда, крепких рук недостаточно»– подумала я. Ладно, хоть чуть-чуть веселее стало!

– Простите... Но мне хотелось бы немного побыть одной,– попробовала я вставить слово, но мой гость, будто и не слышал, воскликнул:

– Ждите меня здесь!– и выбежал вон.

В некоторой растерянности я выглянула в коридор. Д'Артаньян с невероятной ловкостью, едва касаясь перил, уже соскользнул по лестнице и, перепрыгнув полпролёта, оказался на первом этаже.

Оглянувшись и увидев, что я вышла, он улыбнулся и поманил к себе.

Я пошла вниз, не понимая, к чему такая спешка.

Д'Артаньян вёл меня по коридору между рядами дверей. В холодном каменном тупике тоже была дверь. Он распахнул её, и я с удивлением увидела лестницу вниз.

– Здесь что, подвал?

– Конечно! Там довольно сыро, и воздух спёртый, но кое-кому это по душе.

– Кто-то по своей воле живёт в подземелье?

– Вот именно! Прошу!– и он начал спускаться.

Подвал расширялся, образуя что-то вроде комнаты без дверей. В углу небрежно свалены старые сундуки, стулья...

Свеча, прикрепленная к стене, отбрасывала неверный свет. В круге света сидел обросший бородой длинноволосый человек.

– Кто это?– спросила я.

– Эдмон Дантес!

Где я слышала это имя?

– А-а, граф Монте-Кристо!

– Это потом. А пока он просто Эдмон Дантес.

Человек довольно молод. А с виду и впрямь точь-в-точь Эдмон Дантес!

– Что вы там делаете?– донёсся с лестницы знакомый голос.

– Да это Шерлок!– воскликнул д'Артаньян.

– Я предпочитаю обращение «Холмс»,– холодно отозвался тот. Слыханное ли дело! Шерлок Холмс и д'Артаньян в гостях у Эдмона Дантеса!

Я еле сдерживала смех. Хоть они и сумасшедшие, а каждый выглядит именно так, как должен!

– Шкуры своей не пожалею ради дамы!– вскричал д'Артаньян

– Я тоже,– кивнул Холмс.– Наш долг – помочь юной леди, попавшей сюда из-за убийства, которого она не совершала.

– О-о, да вы всё знаете!

– У вас на рукаве пятна крови,– объяснил Холмс.– Но сами вы не ранены. Значит, это не ваша кровь. Однако вы не принадлежите к разряду людей, которые, чуть что, пускают в ход нож. Следовательно, ваше платье испачкал кровью кто-то другой, причём умышленно. Причина? Скорее всего, деньги! Вы должны были получить в наследство большое состояние, но кто-то из ваших родственников (дядя? тётка?), побуждаемый своей дурной натурой, подстроил вам ловушку. Разве не так?

– Немыслимо! Вы совершенно правы! Я была искренне поражена.

– Это всего лишь предположение, даже не дедукция,– заметил Холмс несколько смущённо.– А теперь расскажите поподробнее сами.

Выслушав мой рассказ, Холмс медленно покивал головой:

– Понятно. Они воспользовались снотворным, чтобы свалить на вас убийство. Вот как обстояло дело. Но у меня остаются некоторые сомнения. Зачем было убивать адвоката Такаги? Только ради того, чтобы обвинить вас в преступлении? Это недостаточный

мотив. Похоже, ваш дядюшка и впрямь способен на преступление, но не в такой степени, чтобы убить ни за что, ни про что. Значит, должна быть ещё какая-то причина.

– Ещё причина? Но какая?

– Вот этого-то я и не знаю!– Холмс покачал головой.– Дело необходимо расследовать.

– Расследовать?– вздохнула я.– Но ведь нам в жизни не выйти отсюда. Ничего у вас не получится!

Холмс и д'Артаньян переглянулись.

– Не надо отчаиваться,– успокоил меня д'Артаньян.– Если вы хотите выбраться на волю, мы покажем, как это сделать!

– Ну да?!– я раскрыла глаза от изумления, А д'Артаньян уже сталкивал Эдмона Дантеса с одеяла, на котором тот сидел на полу. Дантес поднялся и отошёл, с крайне недовольным видом. Д'Артаньян сдёрнул одеяло и нажал рукой на одну из каменных плит, которыми был вымощен пол.

Неподъёмная с виду каменная плита вдруг провернулась без малейшего сопротивления. В поду зияло отверстие! Я оторопело уставилась на него...

3

У самого своего дома я увидела знакомую машину.

Сердце так и подскочило. Он здесь!

Я тихонько открыла входную дверь. Внутри тихо, ни звука. Но свет горит. Я прислушалась. Какой-то шорох в гостиной!

Я подкралась к полуоткрытой двери и заглянула в комнату. Так и есть, это он!

Он, Сюнъити Такаги. Сын адвоката, мой друг детства. Единственный, кому я безраздельно доверяю.

Дверь, которую я попыталась открыть, скрипнула, он обернулся.

– Ты...– пролепетал он.

– Сюнъити!– только и смогла произнести я.

– Где... где ты была?– он всё ещё не мог прийти в себя от изумления.

– В больнице. Дядя с тёткой усыпили меня и упрятали туда.

– Упрятали?

– Да. Но мне удалось бежать. Сюнъити, я не убивала твоего отца!

– Что? А-а, ну конечно, я тебе верю. Что же ты не садишься?

– Спасибо. Я так устала!

– Выпьешь что-нибудь?

– Да. Хорошо бы чего-нибудь похолоднее. Сюнъити, иди сюда. Сядь ко мне поближе. Пожалуйста!

Я изнемогала от усталости. Мне так хотелось почувствовать тепло его рук!

– Всё будет хорошо. Не волнуйся,– прошептал Сюнъити.– Я с тобой. Всё будет хорошо!

- Да, да... Но я так устала!
- Отдохни немного. Я буду рядом.
- Хорошо бы,– вздохнула я.– Да нельзя!
- Почему?
- До утра мне надо обратно в больницу.
- До утра... Но зачем?
- Прямо как Золушка,– улыбнулась я.– Прости меня, пожалуйста! У тебя не стало отца, а я вот...
- Ладно, ладно! Расскажи лучше, что с тобой приключилось.
- Попробую. Только вряд ли ты поверишь.
- Всё равно расскажи!
- Я без лишних подробностей рассказала о палате девять и её обитателях. Многое сейчас казалось мне самой невероятным.
- Подземный ход вёл в рощу за оградой больницы. Я выбралась, прошла ещё немного и попала на шоссе. Ночью, сам понимаешь, машин немного, но, к счастью, первая же остановилась. Меня подвезли почти к самому дому.
- Прямо как в сказке...
- Но это всё – правда.
- А всё-таки... Почему все не сбежали, раз есть подземный ход?
- Они понимают, что мир за стенами больницы не примет их. А там они счастливы... А чтоб не чувствовать себя заключёнными, вырыли подземный ход, через который можно уйти в любую минуту.
- Зачем же тебе возвращаться туда до утра?
- Утром, когда разносят завтрак, проверяют, все ли на месте. Понимаешь, что поднимется, если хватятся одного?! Подземный ход найдут и засыпят, и тогда они снова будут узниками! Да и надзор установят более строгий. В общем, свободной жизни конец...
- Какая ты добрая!– улыбнулся Сюнъити.– Сочувствуешь им?
- Ещё бы! Такие хорошие люди!
- Но ты же ничего не успеешь до утра! Зачем тебе возвращаться? Оставайся!
- А как же...
- Твои новые знакомые? Да они и думать о тебе уже забыли! Что тебе там делать, посуди сама!
- Я и сама не знала. Если разобраться, действительно нечего. Но у меня перед глазами стояли улыбающиеся лица Холмса и д'Артаньяна, которые помогли мне выбраться, и я чувствовала, что не могу оставить их на произвол судьбы.
- Я же обещала им непременно вернуться!
- И потом, важнее решить, как быть дальше!– настаивал Сюнъити.
- Всё дело в дяде и тётке. Они упрятали меня в больницу, чтобы заполучить деньги.
- Постой, постой. Давай разберёмся по порядку. Ты разговаривала с ними здесь, так?

– Да, А твой отец в это время дремал. Тётка приготовила кофе, и я его выпила. Потом... дядя, тётка и Хитоси ушли.

– Хитоси? А-а, твой двоюродный брат!

– Да-да. Ты его знаешь? Я вернулась из прихожей. И тут... у меня закружилась голова... я не успела понять, в чём дело... и очнулась уже в машине по дороге в больницу.

– И ты слышала, как твой дядя сказал, что мой отец убит?

– Да. Поэтому-то я и вернулась. Я должна докопаться до правды! Тут Сюньити посмотрел на дверь:

– Погоди-ка!

Я остолбенела. В дверях стоял... адвокат Такаги.

– Вы...– Я поднялась с дивана, еле держась на ногах.

– Куда ты пропала? Мы тут с ума сходим!– Адвокат прошёл в комнату.

– Папа,– обратился к нему Сюньити.– Она думала, что тебя убили. Так что ты её сейчас здорово удивил!

– Убили? Меня?– глаза у адвоката стали совсем круглые.– С чего бы это? Да садись, садись... Вот ты меня и впрямь удивила!

– Это дядя с тёткой выдумали, будто я вас убила! Как хорошо, что вы живы!

Я сердито глянула на Сюньити:

– Что же ты сразу не сказал?

– Не сердись. Отец вызвал меня сюда. Сказал, что ты исчезла. Вот я и хотел, прежде всего, узнать, что с тобой произошло.

– Всё равно...– я недовольно пожала плечами.– Господин Такаги, так что же всё-таки здесь было?

– Я и сам не знаю,– покачал головой старик-адвокат,– я, видишь ли, задремал. Слушал вас, слушал... и так вдруг спать захотелось!

– А вы перед этим пили что-нибудь?

– Разве что чашку чаю.

– Уверена, туда что-то подсыпали!

– Может и так. Во всяком случае, не припоминаю, чтобы меня когда-нибудь так сон смаривал,– согласился адвокат.– А когда я пришёл в себя, в доме не было ни души. Я в одну комнату, в другую – нигде никого ! Я забеспокоился, позвонил твоему дяде.

– Ну, и что он?

– Трубку взял Хитоси. Сказал, родителей дома нет. Насчёт тебя будто бы ничего не знал. Может, говорит, поразвлекься пошла...

– Вольно ему такое говорить!– разозлилась я.– Он меня, кажется, с собой спутал!

– Ладно, главное, что с тобой всё в порядке. А то у меня душа не на месте,– сказал адвокат.

Синьити пересказал отцу главное из того, что услышал от меня. Насчёт Холмса и д'Артаньяна он благоразумно умолчал.

– Неслыханно!– адвокат был вне себя.– Упрятать девочку ни за что, ни про что в сумасшедший дом... Ну, я их проучу!

– А мне что делать?

– Они не знают, что ты сбежала из больницы, вот и не беспокоятся ни о чём. На этом мы и сыграем.

– Но мне хотелось бы чем-нибудь вам помочь!

– Это ни к чему! Тебе лучше до поры до времени не показываться. Положись на меня. А мне вот, Сюнъити поможет. Сюнъити, за мной! Мы им покажем!

– Пошли! Ёсико, жди нас здесь!

– Хорошо. Только возвращайтесь поскорее!

– Будь уверена!– усмехнулся Сюнъити.

Отец и сын Такаги поспешно удалились. Я опустилась на диван.

Теперь всё в порядке. Наследство отца не пропадёт.

Усталость подкралась снова, наверное, потому что спало возбуждение. Веки отяжелели... Да, но что же будет с моими друзьями из больницы?!

Холмс, д'Артаньян! Разве можно бросить их на произвол судьбы?

Так-то оно так... Но ведь главное – это распорядиться наследством. Так что в больницу путь закрыт!

Очень жаль... Ладно, когда всё уляжется, поручу адвокату Такаги заняться этой больницей!

Там, наверное, немало людей, запертых против воли. Их нужно выручить, а для Холмса и остальных сделать всё, чтоб они могли жить спокойно.

Глаза у меня окончательно закрылись, и я уснула.

– Проснитесь! Сударыня, проснитесь!

Чей это голос? Кажется, я его где-то слышала... Я с трудом расклеила веки. На меня смотрели сверху вниз приветливые глаза.

– Боже мой, господин Холмс!– я мигом пришла в себя. Передо мной стоял Холмс.

4

Я огляделась.

Никаких сомнений, я в гостиной у себя дома. Но это же Холмс передо мной!

– Холмс... Как вы сюда попали?

Прежде, чем Холмс успел ответить, дверь распахнулась, и вошёл д'Артаньян.

– А-а, проснулись!– радостно воскликнул, он.

– Сейчас не время для веселья,– остановил его Холмс и объяснил мне:– Когда вы ушли, мы места себе не находили. Я понял, что случай не так прост, как представлялось. Да и д'Артаньян всё время порывался защищать вас. Вот мы оба и последовали за вами.

– Но я же ехала в автомобиле...

- А мы вскочили на его крышу!
 - Ну и ну!
 - Работа детектива – не мёд, – вздохнул Холмс. – Я даже трубку обронил по дороге!
 - Мсье Холмс! – вмешался д'Артаньян. – Я хотел бы вам что-то сообщить.
 - Пожалуйста.
 - Я только что был на кухне.
 - Понимаю, искали вино.
 - Вина не нашёл, но обнаружил, кое-что интересное,
 - Что же?
 - Труп! – как ни в чём не бывало, ответил д'Артаньян.
 - Не может быть! – пробормотала я, как только ко мне вернулся дар речи.
 - Нет ничего проще, чем удостовериться самим, – спокойно сказал Холмс.
- Мы вышли на кухню.
- Кухня у нас довольно большая. Дверь кладовой в дальнем углу была приоткрыта.
- Дверь так и была открыта? – поинтересовался Холмс.
 - Конечно. Иначе как бы я увидел, что внутри?!
- Прямо за дверью на полу распростёрлось тело. Грудь в крови, на лице застыла гримаса изумления.
- Кто он? – спросил Холмс.
 - Как же это... – пролепетала я. – Это же дядя! Мой дядя, Сиро Судзуки!
- Я окончательно перестала понимать, что к чему.
- Убит ножом! – Холмс, совсем как настоящий, невозмутимо смотрел на труп. – Похоже, кухонным. Ну да, здесь же кухня. Где у вас хранятся ножи?
 - Вот здесь, в шкафчика. – Я подошла и открыла дверцу. – Действительно, одного не хватает. Большого ножа для разделки мяса.
 - Хорошо он был наточен?
 - Да.
 - Тогда, несомненно, он и послужил орудием убийства. – кивнул Холмс. – Судя по состоянию крови, его убили не так давно. Пожалуй, около часа назад.
 - Около часа? – удивилась я. – Сколько же я спала?
 - Минут двадцать. После того, как вы вошли в дом, мы немного подождали на улице, но потом забеспокоились, не зная, что происходит внутри и, уж простите, проникли во двор.
 - А вскоре вышли двое, похоже, отец и сын.
 - Да, это адвокат Такаги с сыном.
 - Мы понаблюдали за домом ещё некоторое время и вошли.
 - Так значит... дядю убили незадолго до моего возвращения?
 - Получается так.

- Но кто же?– я ничего не могла понять.
- Видите ли,– отозвался Холмс,– Воображение – ценное свойство, но иногда его игру полезно понимать наоборот.
- Наоборот?!
- Вам казалось, что дядя с тёткой хотят завладеть вашим состоянием. Но действительно ли это так?
- Мы направились обратно в гостиную.
- Кроме того, вопрос в том, пошли ли бы они ради этого на убийство. Нормальный человек, не маньяк-человекоубийца, может убить разве что в отчаянном положении.
- Ну, уж это я понимаю.
- А разве положение ваших дяди и тётки было столь уж отчаянным? Как по-вашему? Я задумалась.
- Трудно сказать... Дядя был врачом и, пожалуй, с деньгами у него не было затруднений.
- Вот видите! Предположим, что они действительно были не прочь заполучить доставшееся вам наследство. Я могу даже допустить, что они рискнули бы отправить вас в больницу. Но решиться на убийство! Мотивом для убийства могло послужить лишь желание скрыть то, что наследства вашего батюшки уже не было!
- Да что вы!– изумилась я.– Как это может быть?
- А почему нет?
- Ведь деньгами распоряжался господин Такаги. Как бы дядюшка ни зарился на них, ему было не заполучить ни гроша!
- Допускаю. Ну, а как насчёт самого адвоката Такаги?
- Такаги?
- Я в полной растерянности уставилась на Холмса. — Посмотрите на результат. Ведь убит не Такаги, а ваш дядя! В момент убийства, кроме вас и адвоката Такаги с сыном, здесь никого не было.
- Вы меня совсем запутали...
- Ваш дядюшка тоже покушался на наследство. Поддавшись на уговоры Такаги, он подсыпал вам снотворное и отвёз в больницу. Но Такаги уже давно присвоил и спустил деньги, и ему было бы несдобровать, если бы ваш дядюшка об этом узнал.
- Поэтому он его и убил?
- Может быть, он надеялся договориться. Но, по-видимому, ваш дядя вышел из себя, узнав, как обстоит дело, и пригрозил заявить в полицию. Такаги ничего не оставалось, как убить его.
- И в этот момент появились вы!– вмешался д'Артаньян.
- Очень кстати для семейки Такаги!– добавил Холмс.
- Кстати? Это почему же?
- Кого, как не вас первую, заподозрят в убийстве? Думаю, что полиция сейчас несётся сюда что есть сил.

– Тише!– вскричал д'Артаньян.– Я слышу карету, то есть машину!

– Полиция?

– Увидим. Во всяком случае, лучше обойтись без лишнего шума.

В прихожей зазвенел звонок.

– Что делать?– обернулась я к Холмсу.

– Откройте. Мы спрячемся здесь, за диваном.

Холмс и д'Артаньян скрылись за спинкой дивана. Я двинулась было в прихожую, но д'Артаньян высунул голову:

– Простите, сударыня, если у вас есть зонтик, не дадите ли его мне?

– Зонтик?– переспросила я. Что он задумал?

Я вышла в прихожую и открыла дверь. За ней стоял Хитоси Судзуки.

– Хитоси...

– Где отец?– резко спросил Хитоси и, оттолкнув меня, вошёл.

– Понимаешь...

– Мне звонил адвокат! Он сказал, что отец в опасности!

– Это неправда! Ты ничего не знаешь!

– Где он?!

– На кухне... Но лучше...

Хитоси бросился на кухню. Я осталась в прихожей, не зная, как быть. Через мгновение Хитоси появился снова и стал медленно приближаться ко мне. Лицо у него было бешеное.

– Хитоси! Не надо! Это не я! Не я!

Руки Хитоси сомкнулись у меня на горле. Он повалил меня на пол.

– Убью!

Я забилась, на Хитоси навалился сверху, и я никак не могла освободиться. Его руки всё сильнее впивались мне в шею. «Неужели убьёт?»– мелькнула мысль.

Послышался тупой удар, и руки, душившие меня, обмякли. Хитоси с глухим стуком свалился на пол.

– Вы не пострадали?– д'Артаньян сжимал в руке бронзовую подставку с книжной полки.

– Вы спасли меня,– прохрипела я и с трудом поднялась, опираясь о поверженного Хитоси.– Он мёртв?

– Нет, всего лишь в обмороке,– ответил д'Артаньян.– Но за дверью ещё кто-то.

– Что?

– Где же зонтик?... Ага, нашёл! Вы позволите?

– Конечно!

д'Артаньян схватил огромный старый отцовский зонтик и со свистом рассёк воздух, как шпагой.

Дверь распахнулась, и появился Сюнъити Такаги. Увидев меня, он застыл на месте:

– Ты... цела?

– Как видишь. А вот ты зачем явился?

– Понимаешь ли...

– Ещё бы не понимать! Сказали Хитоси, что я убила дядю Сиро, чтобы он расправился со мной! Уж тогда бы никто не узнал, как вы распорядились чужими денежками!

– Что ты несёшь?!

Но вмиг побледневшее лицо выдало его. В эту секунду вошёл адвокат Такаги:

– Что случилось?

– Конец! Она узнала всё!

– Вот как... Ну что ж! Придётся и её убить.

– Стойте, господа!– в прихожей вырос Д'Артаньян. Оба Такаги будто приросли к месту.

– Это ещё кто?!

– Я д'Артаньян, боец за справедливость!– он отвесил поклон.– Не в моих правилах оставлять злодеяние безнаказанным.

Дальше произошло нечто невообразимое. Старый зонтик засвистел в воздухе. Я и ахнуть не успела, как оба непрошенных гостя, отлетев метра на три, рухнули на пол.

– Вот теперь всё в порядке!– Д'Артаньян ловко описал зонтиком круг и широко улыбнулся.

– Нам пора!– Холмс уже тоже стоял в прихожей.– Прощайте, сударыня!

– Но... мне ведь надо до утра вернуться к вам!

– Нас подвезёт какой-нибудь автомобиль. А вам нечего делать в таком месте! Разве не так?

– Но если меня не окажется, вам придётся плохо!

– Да что вы, наш друг Дантес с удовольствием выкопает ещё один подземный ход!– возразил д'Артаньян.– А вот нам действительно необходимо быть на месте, пока не рассвело.

Друзья повернулись, чтобы уйти.

– Постойте!– не выдержала я.– Машина есть у меня. Я вас сама отвезу. И... останусь с вами!

– Однако, сударыня,– начал было Холмс, но я не дала ему договорить:

– Буду вести двойную жизнь: днём там, ночью – здесь. Вот будет здорово! Переберусь поближе к больнице... В мире столько зла! Как же мне покинуть такое замечательное место, как у вас!

– Да вы, похоже, просто немного не в себе!– улыбнулся Холмс.

– Именно это и делает меня достойной вашего общества,– ответила я, открывая входную дверь.